

Источник: Венера и Адонис. Перевод А. И. Курошевой // Шекспир В. Полное собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М.-Л.: Гослитиздат, 1949. Т. 8. С. 419-458. + комментарий и примечания. С. 646-647.

419

ВЕНЕРА

И

АДОНИС

ПЕРЕВОД

А. И. КУРОШЕВОИ

421

Его милости Генри Райотсли,
герцогу Соутемптону,
барону Тичфильду.

Ваша милость,

Я сознаю, что поступаю очень дерзновенно, посвящая мои слабые строки вашей милости, и что свет меня осудит за соискание столь сильной опоры, когда моя ноша столь легковесна; но если ваша милость подарит мне свое благоволение, я буду считать это высочайшей наградой и даю обет употребить всё мое свободное время и неустанно работать до тех пор, пока не создам в честь вашей милости какое-нибудь более серьезное творение. Но если этот первенец моей Фантазии окажется уродом, я буду сокрушаться о том, что у него такой благородный крестный отец, и никогда более не буду возделывать столь неплодovitую почву, для того чтобы снова не собрать столь плохой жатвы. Я предоставляю это мое детище на рассмотрение вашей милости и желаю вашей милости исполнения всех ваших желаний на благо мира, возлагающего на вас свои надежды.

Покорный слуга вашей милости

Вильям Шекспир.

Едва лишь солнце, лик явив багряный,
 С зарею плачущей простилось вновь,
 Охотиться Адонис стал румяный:
 Любил он травлю, презирал любовь.
 Его, спеша, Венера настигает,
 Как волокита дерзкий, обольщает

И говорит: «О, лучший цвет полей,
 Меня прекрасней втрое, несравненными;
 Румяней роз, белее голубей,
 Укор для нимф, прелестней плоти тленной;
 Природа предрекла, создав тебя:
 Лишь ты умрешь, погибнет мир, любя.

10

«Не откажи мне спешиться, о диво,
 И привяжи к луке узду коня;
 За то в награду ты узнаешь живо
 Сладчайшие все тайны от меня.
 Здесь сядь, где змей шипенье незнакомо:
 Тебя, целуя, задушу истомой.

«Но не пресыщу губ твоих, – верней
 Среди избытка сытость позабудут,
 Ста поцелуев будет мой длинней,
 А сто их одного короче будут;
 Нам летний день покажется за час,
 В такой утехе пролетев для нас».

20

Тут, влажной завладев его рукою,
 Сил воплощеньем жизненных, она

423

Целебной для богинь росой земною
 Ее зовет, дрожа, возбуждена.
 Желанье множит силы опьянелой:
 Его с коня она срывает смело.

30

В одной руке ее была узда,
 И привлекала юношу другая;
 Краснеет он с досады и стыда,
 К такой игре охоты не питая
 Она, как уголь пламенный, красна,
 Он красен от стыда, но кровь хладна.

На сук обломанный вмиг намотала
Венера повод (как любовь спешит!);
Привязан конь; она стараться стала
Связать и всадника, что с ног уж сбит, 40
Как бы сама хотела быть им сбитой;
Он – силы раб, не страсти, век несытой.

Лишь он упал, простерлась и она;
Им были локти, бедра их опорой;
Вот треплет по щеке его, нежна;
Он хмурится, браниться стал, но скоро
Ему смыкает поцелуй уста:
«Браниться будешь, не откроешь рта».

Он от стыда горит; она слезами
Жар гасит девственный его ланит; 50
И после золотыми волосами
И ветром вздохов осушить спешит.
Бесстыдницы дает он ей названье;
Дальнейшему кладет предел лобзанье.

Как перья птицы, мясо клювом рвет
Терзаемая голодом орлица
И, поглощая всё, крылами бьет,
Пока не стихнет голод или птица, –
Так лоб она целует, щеки, бровь,
И, только кончит, начинает вновь. 60

424

Он, не сдаваясь, силе уступая,
Лежит, дыша в лицо ей, недвижим;
Она же пар зовет, его впивая,
Небесной влагой, веяньем благим;
Ей жаль, что не цветник ее ланиты,
Столь освежающим дождем омытый.

Как птица в сеть попав и присмирив,
Адонис стих в объятиях Венеры;
Сопротивленью, стыд, в нем вызвав гнев,
Глазам придали красоты без меры; 70
Так полная река, когда ей вод
Прибавит ливень, берега зальет.

Она всё молит, молит, напевая
В прелестное ушко прелестный вздор;
А он всё сердится, стыдом пылая,

Иль, побледнев от гнева, хмурит взор.
Еще милей он кажется, краснея,
Ее в восторг приводит он, бледнея.

Ей люб Адонис, как он ни гляди;
Своей рукой она клянется дивной
Не оторваться от его груди,
Пока он слез, что льются непрерывно
Из глаз ее, не примирит с собой,
Долг уплатив тем поцелуем свой.

80

Тут он лицо свое приподнимает;
Так выглянет подчас нырок из струй
И, встретив взгляд чужой, опять ныряет;
Готов Адонис дать ей поцелуй;
Но, лишь к устам ее близка пожива,
Свои, зажмурясь, он отводит живо.

90

Так в зной не жаждал путник свежих вод,
Как жаждала она своей услады:
Спасенье видит, но его неймет;

425

Пылает вся среди речной прохлады.
«О, сжался, – восклицает, – мальчик злой!
Прощу лишь ласки: страх откуда твой?

«Как я тебя, так и меня молили,
И сам суровый, грозный бог войны,
Чьей мощной выи битвы не склонили,
Которым все враги побеждены,
И он, мой пленник, раб мой, домогался
Того, что взять ты ныне отказался.

100

«У алтарей моих свой крепкий шлем
Повесил он, копье и щит чеканный;
Он научился танцам, играм всем,
Забавам, шуткам, – стяг презрев свой бранный,
Мои объятья полем битв избрав,
Из ложа моего шатер создав.

«Так властелина я поработила
И на цепи из алых роз вела;
Булат слугою сделавшая сила
Рабой презренья моего была.
О, не гордись, не похваляйся властью
Над той, что бога битв смирила страстью.

110

«Губами прикоснись к губам моим
(Мои красны, хотя не так прекрасны),
Тот поцелуй ведь будет и твоим.
Что смотришь в землю? Взор впери свой ясный
В мои зрачки: твоя в них красота.
Слились два взора, что же не уста? 120

«Иль стыдно целовать? Зажмурься снова,
И я зажмурюсь, – станет ночь тотчас:
Двоих лишь усладить любовь готова;
Играй же смело, – не увидят нас;
Фиалки, заменившие нам ложе,
Болтать не могут и понять нас – тоже.

426

«Пушок, покрывший нежные уста,
Незрелость выдает, но всё ж ты – милый.
Не упускай же время: красота
Быть не должна сама себе могилой. 130
Так во-время не сорванный цветок,
Себя снедая, вянет в краткий срок.

«Будь я дурна, морщинами изрыта,
Подслеповата, сторблена, худа,
Истощена, недугами разбита,
Суха, груба и холоднее льда, –
Ты мог бы отстраниться от презренной;
Но как гнущаться мной, столь совершенной?

«Нет ни морщинки на моих висках;
Глаза подвижные блестящи, серы; 140
Прелестно тело, мозг горяч в костях;
Растет с весною красота Венеры;
И, мнится, влажная моя рука
В твоей растаять бы могла, легка.

«Лишь повели, речами очарую
Иль понесусь по лугу легче фей;
Не оставляя следа, затанцую,
Как нимфа, пряди распустив кудрей.
Любовь – подобье духа огневого
И не упасть, но вознестись готова. 150

«Докажут это слабые цветы!
На них лежу, но их не приминаю;
Два голубка с утра до темноты

Меня по небу носят, где желаю.
Когда любовь, мой мальчик, так легка,
Как может быть лишь для тебя тяжка?

«Иль ты в себя влюбился, полагая
Снискать любовь одной руки другой?
Так обольщай себя, вновь отвергая;

427

Кляни пленившего, пленен собой.
Вот так Нарцис погиб в самозабвенье,
В ручье свое целуя отраженье.

160

«Уборы созданы, чтоб их носить,
И красота, чтоб чувствам быть в утуду;
Трава, чтоб пахнуть; факел, чтоб светить;
Жить для себя – обманывать природу:
Зерно дает зерно, цветок – цветы;
Твой долг рождать, как был рожден и ты.

«Как можешь ты вкушать плоды земные,
Не дав земле своих плодов вкусить?
Должны рождать все существа живые;
Ты сам умрешь, потомство будет жить.
Так ты себя переживешь нелживо,
Пока твое подобье будет живо».

170

Тут пот царице тело увлажнил:
Тень отступила от четы лежащей,
И облаченный в зной Титан вперил
В них ока пламенного взор палящий;
Желал бы он, став этим вот юнцом,
С ним поменяться местом и лицом.

180

Адонис, потянувшийся лениво,
Из-под нахмуренных бровей своих
Угрюмо глядя, сумрачно, гневливо,
Как смотрит небо из паров густых,
Воскликнул, морщась: «Брось любви упреки!
Я ухожу: печет мне солнце щеки».

Она в ответ: «Так юн и так жесток!
Чтоб убежать, предлог ты выбрал слабый:
Небесных вздохов выдыхая ток,
Светила жар я охладить могла бы;
Тебя под сень моих волос укрыть;
Слезами, если вспыхнут, погасить.

190

«Сияя с неба, солнце жжет сияньем;
 А я лежу меж солнцем и тобой.
 Но не опасно мне оно пыланьем:
 Меня сжигает взор палящий твой;
 И будь я смертной, тут бы умерла я,
 Меж вышним солнцем и земным пылая.

«Ты каменный, ты твердый, как булат?
 Нет, тверже камня, – дождь его смягчает. 200
 Любви не знал ты, женщиной зачат?
 Не знал, как страсть несытая терзает?
 О, если б мать твоя такой была,
 Она тебя родить бы не могла.

Чем заслужила я твое презренье?
 Мои мольбы тебе опасны чем?
 Иль поцелуй для губ твоих – растленье?
 Скажи, но нежно, а не то будь нем.
 Дай поцелуй, его с лихвой верну я,
 Два, если хочешь, дам я поцелуя. 210

«Стыдись, холодный камень неживой,
 Раскрашенное дивно изваянье,
 Кумир, лишь взоры тешащий собой,
 Не человек, подобье только, званье;
 Нет, ты не муж, хоть мужествен на вид:
 Муж и без просьбы ласками дарит».

Ее язык сковало нетерпенье,
 Порывом страсти удержав его;
 Лицо, пылая, выдает смятенье: 220
 Не выиграть ей дела своего,
 Судье в делах любви: она рыдает;
 Молила бы, – рыданье ей мешает.

То головой, потупив взор, тряхнет,
 То, глядя на него, руки коснется;
 Руками, словно лентой, обовьет;

Связала бы, да он не поддается;
 Но попытайся он порвать их круг,

Она сплетет персты лилейных рук.

«Любимый, – говорит, – в кольце ограды
Слоновой кости заключен ты мной.

230

Я – парк, ты – мой олень; ищи услады
Где хочешь, – на горе и под горой.
Когда ж холмы тебя не утоляют,
Спустись туда, где родники пленяют.

«В пределах этих мало ли услад?
Прелестный дол, высокая равнина,
Холмы округлые, а в дождь и в град
Тебя укроет в зарослях ложбина.
Оленем будь, когда я парк такой;
Лай тысяч псов твой не смутит покой».

240

Адонис усмехнулся, полн презренья,
Две чудных ямки подарив щекам;
Амур их создал, – в эти углубленья
Он лег бы, если б он убит был сам;
Заранее он знает непреложно:
Где жил Амур, быть мертвым невозможно.

Раскрылись, чтоб вместить ее любовь,
Две милых, дивных ямки на ланитах.
Безумной, ей ли обезуметь вновь?
Второй удар что значит для убитых?
Любви царица, ты любить должна
Улыбку, что презрения полна.

250

Что делать ей? Что ей сказать, постылой?
Слова иссякли, муки всё растут;
Уходит время, прочь стремится милый,
Из рук ее он рвется, как из пут.
«О, сжался! Приласкай!» – она взывает;
Но, вырвавшись, к коню он убегает.

430

Но тут, в кустах недалеко пасясь,
Кобыла сильная и молодая
Коня завидела и понеслась;
Она храпит и громко ржет, взывая;
И конь, привязанный среди ветвей,
Порвал узду и мчится прямо к ней.

260

Он вскачь несется к ней со ржаньем гордым,
Плетеную подпругу в клочья рвет;

Он, землю рая, бьет копытом твердым,
И в недрах гром гремит, как бы с высот.
Конь удила стальные разгрызает:
Чем был смиряем, сам он то смиряет. 270

Насторожились уши; поднялась
Его всегда свисающая грива;
Впивают воздух ноздри, распаясь,
Пар, как из горна, выдыхая живо;
Глаза сверкают, как огонь, и жгут, –
Отваги пыл, желанье выдают.

То рысью пустится он мерной, ровной,
В величье кротком, скромно горделив;
То на дыбы взовьется, скачет, словно
Сказать желая: это сил прилив; 280
А этим взоры я прельщаю страстно
Кобылы, что вот там стоит, прекрасной.

Чтò гневный окрик всадника ему,
И «полно» льстивое, и «стой, куда ты»?
Что шпоры острые, узда? К чему
Чепрак нарядный и убор богатый?
Пред ним она, и лишь она пред ним;
Не привлечен гордец ничем иным.

Как ни старался бы, коня рисуя,
Художник жизнь искусством заменить, 290
С природой спорить в мастерстве рискуя, –

431

Живого мертвому нельзя затмить;
Так этот конь всех превосходит рвением,
Повадкой, мастью, костью и сложеньем.

Коротки бабки стройных, крепких ног;
Копыта круглы; густы, длинны щетки;
Глаз полон, грудь могуча, круп широк,
Мала головка, ушки же коротки.
Коню лихому нужно одного:
Лихого всадника в седло его. 300

Вот, в даль умчавшись, стал он и воззрился;
Вот прынул, лишь волос взметнулась прядь;
Вот вперегонки с ветром он пустился;
Бежит ли он, летит ли, – не понять.
В хвосте и в гриве свищет вихрь, играя,

Как два крыла пернатых, их взвевая.

Смотря на милую, он ржет; она,
Как будто понимая, ржет ответно;
Как женщина, вниманьем польщена,
По виду же капризно-неприветна;
С презреньем отвергает пыл коня,
Копытом от себя его гоня.

310

Тут, приуныв, он хвост свой опускает,
Которым, как опущенным крылом,
Разгоряченный круп свой освежает;
Он бьет копытом; мух он ловит ртом.
И милая, заметив, как он взбешен,
Смягчилась вдруг, и конь был вмиг утешен.

Хозяин пробует коня поймать;
Но тут кобыла дикая в испуге,
Чтоб не попасться, понеслась опять;
За нею – конь, стремясь к своей подруге.
Как бешеные, мчатся в лес стремглав,
Ворон, их обгонявших, перегнав.

320

432

Адонис сел, погоней раздраженный,
Кляня строптивый норов скакуна;
И вновь Любви, любовью истомленной,
Возможность счастье вымолить дана.
Ведь говорят, – втройне любовник страдает,
Чье сердце тщетно высказаться жаждет.

330

Закрытая пылает жарче печь,
Запружена, река бурлит, вздымаясь;
Так с затаенной скорбью: только речь
Огонь любви смиряет, изливаясь.
Но если сердца адвокат молчит,
Клиент совсем отчаяньем убит.

Он покраснел, ее приметив близко,
Как уголек, что ветром разожжен;
На гневный лоб надвинул шляпу низко
И в землю взор потупил он, смущен,
Как будто бы ее не замечая,
Исподтишка ж за нею наблюдавая.

340

О, стоило за нею наблюдать,
Как приближалась, крадучись, к упряму!

Как цвет лица менялся, чтобы дать
То бледности победу, то румянцу!
Вот только что была совсем бледна,
И вдруг зарницей вспыхнула она.

Вот подошла, колени преклонила,
Как бы любовник, перед ним с мольбой;
Одной рукою лоб ему открыла,
К его лицу притронулась другой.
И на щеке, нежней ладони нежной,
Остался след, как бы на глади снежной.

350

Что за борьбу ведет со взглядом взгляд!
К его глазам ее глаза зывают;
Те, глаз ее не видя, в них глядят;

433

Мольбу одних другие отвергают;
И токи слез, ее затмивших взор,
Немой игре сопутствуют, как хор!

360

Вот руку юноши приподнимает:
В темнице снежной – лилия; вокруг
Слоновой кости – алебастр; сжимает
Столь белого врага столь белый друг.
Желанье спорит с нежеланьем, словно
Клюют друг друга голубки любовно.

Так инструмент души ее¹ звучит:
«О, лучший в смертном хороводе зримом,
Будь я тобой, ты мною, – говорит, –
Ты с сердцем раненым, я с невредимым, –
Тебе б помог один мой нежный взгляд,
Хоть исцелил бы только плоти яд».

370

«Не тронь мне руку, дай», – он молвит живо.
«Дай сердце мне мое, – она в ответ, –
Иль, закаленному тобой на диво,
Не сохранить ему от вздохов след;
Любовным стонам не внимать глубоким
Ожесточенному тобой, жестоким».

«Стыдись, – воскликнул он. – Пусти меня;
Не удалось потешиться мне ныне;
Из-за тебя лишился я коня.
Уйди, оставь меня в моей кручине:
Вся мысль моя, забота вся о том,

380

Как завладеть опять моим конем».

Она в ответ: «Как должно, приближенью
Желанья пылко внимал твой конь:
Страсть подлежит, как уголь, охлажденью,
Иначе сердце подожжет огонь.

434

Пределы есть у моря, не у страсти:
Твой конь бежал, ее покорен власти.

390

«Подобно кляче, он стоял, смирен,
Привязан к дереву уздой ременной,
Но лишь любимую завидел он,
Как сбросив с головы ремень презренный,
Он узы жалкие неволи рвет,
Освобождая спину, грудь и рот.

«Кто, милою любуясь обнаженной,
Белее простынь, мог бы не желать,
Взор насыщая, ею упоенный,
Другим всем чувствам наслажденье дать?
Кто, малодушный, в стужу коченеет,
А всё к огню приблизиться не смеет?

400

«Позволь вступиться, милый, за коня;
И пользоваться сладостным мгновеньем
Учись у скакуна: скорей меня
Научит он не словом – повеленьем.
Учись любить; наука не сложна:
Раз навсегда усвоится она».

«Любви, – он молвит, – не желаю знать я.
Будь это вепрь, – за ней погнался б я;
Велик заем, и не хочу должать я;
Любви не жалуется любовь моя;
Жизнь в смерти, – это знаю по рассказам, –
Она и плачет и смеется разом.

410

«Кто нераскрытой станет почку рвать?
И кто носить неспшитым платье станет?
Когда росток хотя немножко смять,
Бесплодно, не расцветши, он завянет.
Конь, если рано он оседлан был,
Навек лишится резвости и сил.

420

«Ты так мне сжала руку, что мне больно;
 Расстанемся; и брось, не пустословь.
 Не осаждай мне сердце: добровольно
 Оно не впустит за стены любовь.
 Ни льстивым клятвам, ни слезам притворным
 Не сделать бреши в сердце столь упорном».

«Как! Говорить умеет твой язык?
 О, лучше б ты был нем иль я – глухая!
 Сиренный голос твой в меня проник,
 Мне бремя этим вдвое отягчая: 430
 Небесный диссонанс, исполнен звук
 Для слуха музыки, для сердца – мук.

«Слепая, через слух бы я любила
 Твой мир незримый, внутренний, живой;
 Глухую внешность бы твоя пленила,
 Все чувства мне затронув красотой.
 А если б слух мне изменил и зренье,
 Любовь питало бы прикосновенье.

«Пусть прикоснуться я бы не могла,
 Утратив зренье, слух и осязанье, 440
 Не меньше бы любовь моя была,
 Когда б осталось мне лишь обонянье:
 Ведь аромат дыханья твоего
 Несет любовь впивающим его.

«Для вкуса что за пир ты б мог представить,
 Кормилец чувств других! Ужель они
 Не пожелали б вечно пир свой править,
 Напомнив Подозренью: дверь замкни,
 Чтоб не нарушен праздник был отрадный
 Незваной гостьей, Ревностью досадной!» 450

Раскрылись снова алые врата,
 Чтоб послужить его речам исходом,
 Как алость зорь, хотя вещает та

Грозу полям, крушенье мореходам,
 Беду пернатым, горе пастухам,
 Вихрь и ненастье людям и стадам.

Она зловещий признак замечает:
Так стихнет вихрь пред тем, как дождь польет,
Оскалит зубы волк, потом залает,
И слива лопнет, прежде чем сгниет. 460
Так мысль его, как пуля из мушкета,
Ее сразила до его ответа.

Лишь он взглянул, упала вдруг она:
Убит и оживлен любовник взглядом;
Боль от обид улыбкой смягчена;
Блажен банкрот, вдруг овладевший кладом.
Сочтя Венеру мертвой, щеку ей
Бьет глупый мальчик; стала та красней.

Намеренье он бросил, пораженный,
Ей отповедь суровую прочесть, 470
Любовью в том хитро предупрежденный:
Уловка делает упавшей честь!
Она в траве лежит, как бы убита,
Пока в нее любимым жизнь не влита.

Он теребит ей щеки, губы, нос,
Сгибает пальцы, пульс ей крепко давит;
Так зло, которое он ей нанес,
Он думает, хоть чем-нибудь исправит.
И вот целует; век бы ей лежать,
Лишь продолжал бы милый целовать. 480

В день превратилась ночь ее страданья.
Двух дивных окон показался свет;
Так солнце в свежей прелести сиянья,
Мир оживляя, утру шлет привет;
И как светило небо озаряет,
Так взор очей лицо ей освещает;

437

Лучи их на него устремлены,
Как если б свет оттуда почерпали.
Не будь его глаза омрачены,
Четыре светоча всё б осияли; 490
Ее глаза, сквозь слезы бросив взгляд,
Как месяц, видный в водах, свет струят.

«О, где я? На земле ли, – вопрошает, –
Иль в небе? В океане иль в огне?
Который час? День, ночь ли наступает?

Сладка мне смерть иль жизнь желанна мне?
Вот я жила, – и смертно жизнь томила,
Вот умерла, – и жизнью смерть пленила.

«О, ты убил меня; убей опять:

Твоим жестоким сердцем взгляды были
Научены так дерзко презирать,
Что сердце бедное мое убили.
Не наступил бы день для глаз моих,
Когда б не жалость нежных губ твоих.

500

«Друг друга пусть за это врачеванье
Целуют век они! Пусть навсегда
Изгонит прочь их свежее дыханье
Заразы дух в тревожные года!
Чтоб звездочет, предрекший смерть, прибавил:
Дыханьем мир ты от чумы избавил.

510

«Чтоб чистых губ вновь сладкую печать
Мои познали губы, что устрою
За сделку я? Могу себя продать,
Чтоб ты купил и пользовался мною,
Для верности печаткою ручной
Отметив рот сургучно-красный мой.

«Дай поцелуев тысячу в уплату
За сердце мне, по одному платя.
Что десять сотен создают за трату?

438

Их долго ль дать, мгновенно их сочтя?
А если неоплата долг удвоит,
И двадцать сотен дать тебе что стоит?»

520

«Царица, – говорит он, – не спеши
Меня узнать, – я сам себя не знаю.
Моим летам причуды припиши:
Рыбак щадит рыбешек мелких стаю;
На ветке держится зеленый плод, –
Невкусен он; созрев, он упадет.

«Вот утешитель мировой летало,
Придя на запад, завершил свой труд.
Вещает ночь сова, уж поздно стало;
Стада и птицы свой нашли приют.
Нам тучи, неба затмевая очи,
Велят расстаться, молвив «доброй ночи».

530

«Сказать и внять мне «доброй ночи» дай,
И поцелуй твои излечит муки».
Он слышит «доброй ночи», но «прощай»
Еще не молвил, как, в залог разлуки,
Она его за шею обняла,
Слив лица их, как бы сплотив тела.

540

Он, задыхаясь, рвется, отнимая
Живую влагу алых губ своих,
Чей дивный вкус, уста ей пресыщая,
Всё ж утолить не может жажду их.
Она, слабея, он, поддавшись силе,
Они упали (губы слиты были).

Любовь спешит добычу захватить
И поглощает, всё не насыщаясь;
Его уста должны ей дань платить,
Устам победоносным покоряясь,
Чья хищность дену дани подняла
И влагу уст его всю испила.

550

439

Вкусив добычи, с яростью несытой
Спешит Венера на нее напасть;
Ее лицо испариной покрыто,
В ней кровь кипит, и дерзостная страсть,
В ней пробуждая смелость, гонит разом
Стыда румянец чистый, честь и разум.

Измучен, ослабев, разгорячен,
Он, как ребенок, лаской усмиренный,
Иль как олень, что травлей изнурен,
Подобно дикой птице прирученной,
Покорен ей, она ж спешит всё брать,
Что может, но не всё, что хочет взять.

560

Как воск ни заморозь – при нагреванье
Давленьям легким не поддастся ль он?
Превозмогает трудности дерзанье,
В любви особенно, и кто влюблен,
Как бледнолицый трус не ослабеет:
Чем цель трудней, тем больше страсть смелеет.

570

Лишь отступись от хмурого она,
Не опьяняться б ей его устами;
Любовь бежать от гнева не должна:

Срывают розу, хоть она с шипами;
Сорвет запоры страсть, будь красота
И за семью замками заперта.

Удерживать глупца, который молит
Пустить его, ей жалость не велит;
Она его уж больше не неволит,
Но просит, – сердце ей пусть он хранит,
Которое, как в том она клянется
Амура луком, в нем отныне бьется.

580

«Мой мальчик, – молвит, – в эту ночь глазам
Больное сердце бдеть велит до света.
Удастся ль завтра повстречаться нам?

440

Удастся, да? Ты обещаешь это?»
Он отвечает: нет, друзьями он
Охотиться на вепря приглашен.

«На вепря!» – молвит, бледностью покрыта,
Венера, словно роза полотном;
И вот уж шея отрока обвита
Дрожащих в страхе рук ее ярмом;
И падает, держа его за шею,
Он – к ней на сердце, увлеченный ею.

590

Любви арена ей теперь дана,
А он – верхом, как перед жаркой схваткой;
Но что бы ни придумала она,
Не хочет править он своей лошадкой.
Танталу мук таких, как ей, не знать:
Попав в Элизий, счастья не вкушать!

600

Как бедных птиц обманутая стая,
На виноград рисованный слетясь,
Взор пресыщает, зоб не набивая,
Томилась так она, не насладясь;
И поцелуями его покрыла,
Разжечь стараясь в нем хоть искру пыла.

Но тщетно: к ней безжалостна судьба;
Испробовано всё, что выполнимо;
Достойна лучшего се мольба;
Она Любовь – и любит, нелюбима!
Он говорит: «Ты жмешь меня; пусти;
Напрасно мне ты не даешь уйти».

610

«Ушел бы раньше ты, когда б о звере
Не помянул ты, – молвила она. –
О, берегись! Опасность в полной мере
Не сознаешь ты, целясь в кабана:
Как бы мясник какой-то кровожадный,
Клыки он вечно точит, беспощадный.

441

«Как боевой доспех, на страх врагам,
Щетина выгнутый хребет покрыла;
Глаза горят, подобно светлякам;
Могилы всюду вырывает рыло.
Всё сокрушая на пути своем,
Кого толкнет он, тот убит клыком.

620

«Бокам мускулистым, в щетине щеткой,
Своим копьём не нанесешь ты ран;
Ты толстой шеи не пронзишь, короткой;
Рассержен, бросится на льва кабан.
Пред ним, когда он мчится разъяренный,
Терновник расступается, смятенный.

630

«Ах, он лица не ценит твоего,
Чью красоту Венеры взор ласкает;
Ни нежных рук, ни губ, ни глаз, – всего,
Что совершенством мир весь изумляет.
Тебя сразив (что вздумалось мне вдруг!),
Он взроет красоту твою, как луг.

«О, не тревожь его в берлоге дикой!
Не красоте со зверем враждовать;
Ты ищешь сам опасности великой;
Внимай речам друзей, чтоб не страдать.
Лишь вепря ты назвал, я ужаснулась,
Всё существо мое вдруг содрогнулось.

640

«Заметил ты, как стала я бледна?
Как, страх внезапный взором выдавая,
Я, помертвев, упала, сражена?
В моей груди, тебя на ней качая,
Как бы землетрясения волной,
Трепещет, бьется сердце пред бедой.

«Там, где дарит Любовь, – по доброй воле
Смутьянка Ревность стражем состоит;
Бьет ложную тревогу о крамоле

650

И в мирный час «рази, рази!» кричит.
Убита Ревностью Любви утеха:
Так ветер и вода – огню помеха.

«Червь, пожирающий любви росток,
Доносчица, шпионка роковая,
Источник распрей, сплетен и тревог,
То лжи, то правды вестница дурная,
Стучась мне в сердце, Ревность мне твердит,
Что смерть тебе, любимому, грозит.

660

«И представляет мне она картину:
Клыками взбешенного кабана
Твое подобье брошено на спину,
Всё в пятнах крови спекшейся; она
Пролилась на цветы, и те в печали
Головками поникли и завяли.

«Будь это явь, что стала б делать я,
Когда намек приводит в содроганье?
При этой мысли стынет кровь моя,
И страх внушает сердцу прорицанье:
Случись лишь с вепрем встретиться тебе,
Пророчу смерть твою и скорбь себе.

670

«А если так охотничьей забавой
Ты увлечен, – гонись, – вот мой совет, –
За робким зайцем, за лисой лукавой,
За ланью, – у нее отваги нет;
Преследуй, от собак не отставая,
Пугливых тварей, на коне летая.

«Когда косога ты вспугнешь, заметь,
Как он, бедняга, ветер обгоняет,
Опасность думая преодолеть,
Кружит, на тысячу ладов петляет, –
Чтоб множеством запутанных ходов,
Как в лабиринте, с толку сбить врагов.

680

«То в стадо он овечье устремится,
Чтоб обмануть собачий тонкий нюх,

То в норках кроличьих он притаится,
Чтоб лай затих, ему терзавший слух;
То в стадо замешается олень;
Опасность ум внушает, страх – уменье. 690

«Так заяц, запах свой смешав с чужим,
Сбивает с толку псов, им сбавив пыла;
Открыв ошибку, хоть с трудом большим,
Те глоток не щадят, затихших было;
Им эхо вторит, словно голоса
Другой охоты полнят небеса.

«Меж тем вдали бедняга на горушке,
Тревожно напрягая слух, стоит
На задних лапках, наостривши ушки;
И вот он слышит – громкий лай звучит. 700
Теперь больным подобен он, смятенный,
Что звон вдруг услышали похоронный.

«Несчастный, весь промоченный росой,
Туда, сюда кидается в тревоге;
От шороха, от тени – сам не свой;
Ему царапает терновник ноги:
Несчастных многие топтать непрочь;
Никто не хочет павшему помочь.

«Лежи и выслушай еще немного;
Нет, не противься, встать тебе не дам. 710
Хоть не к лицу мне, поучаю строго,
Чтоб вопреки гнать ты расхотел бы сам.
И так и эдак, всячески толкую:
Любовь обдумает беду любую.

«На чем прервала речь я?» – «Ни на чем!
Пусти меня! – он молвит. – Вот все речи:
Проходит ночь». Она ему: «Что в том?» –

444

«Друзья, – он молвит, – ждут со мною встречи;
Во тьме легко упасть». Она в ответ:
«Чтоб видеть, нужен ли желанью свет? 720

«А если упадешь, так, несомненно,
Земля заставила тебя упасть,
Чтоб поцелуй сорвать: добычей ценной
Научены и честные украсть;
Диану губ твоих соблазн тревожит:

Поцеловав, обет нарушить может.

«Понятно, почему так ночь темна:
То Цинтия,² пристыжена, затмилась,
Пока природа не осуждена
За то, что, формы с неба скрав, потщилась
Тебя создать, как вызов небесам,
К стыду луне, и солнцу, и звездам.

730

«Подкуплены с тем Парки ею были,
Чтоб, дивный труд природы исказив,
Пороком совершенство осквернили,
Болезни с красотой совместив,
Ее подвергнув беспощадной власти
Безумных мук, бессмысленных несчастий.

«Горячки, лихорадки, буйный бред,
Отрава жизни, язва моровая,
Мозг иссушающий недуг, что вред
Приносит тяжкий, кровь разгорячая,
Отчаянье и скорбь природе мстят
За то, что так прекрасен ты на взгляд.

740

«Малейшая болезнь в борьбе неравной
Одолевает красоту тотчас;
И цвет и свет, всё, чем еще недавно
Мог восхищаться беспристрастный глаз,

445

Мгновенно меркнет, гибнет, исчезает,
Как горный снег под знойным солнцем, тает

750

«Наперекор Невинности скупой,
Монахини бесстрастью и весталки,
Желающим уменьшить род людской
И утвердить закон бесплодья жалкий, –
Ты щедрым будь: маяк в ночи горит,
И, в мир светя, он масла не щадит.

«Что плоть твоя? Не алчная ль могила,
Потомство поглотившая твое?
Оно бы рождено, конечно, было,
Не ввергни ты его в небытие.
Мир станет презирать тебя отныне:
Его надежду ты убил в гордыне.

760

«Так губишь ты себя в себе самом,

Зло – хуже всех междоусобных браней,
Убийства сына извергом-отцом,
Самоубийств и прочих злодеяний.
Ржа разъедает скрытый клад; дает
Деньгам расти свободный оборот».

Адонис молвил: «Ты опять к злосчастной
Вернулась теме, праздной и пустой!
Напрасно дан мой поцелуй; напрасно
С течением борешься; клянусь я тьмой,
Кормилицей желанья черноликой,
Ты опостылела мне речью дикой.

770

«Будь у тебя сто тысяч языков
И каждый превзойди язык твой льстивый,
Прельстительных не слышал бы я слов,
Чарующих, как песнь сирены лживой;
Знай, сердце чутко слух мне сторожит:
Фальшивый звук в него не залетит.

780

446

«Оно не даст гармонии обманной,
Проникнуть в грудь мою, в ной мир смутив,
Отнять покой у сердца невозбранно,
Его в опочивальне истомив,
Оно не хочет, нет, стонать глубоко,
Но крепко спит, пока спит одиноко.

«В твоих речах что не отверг бы я?
Порой мы к злу идем стезею гладкой;
Нет, не любовь, повадка лишь твоя
Всем раскрывать объятья – вот что гадко.
Иль это, чтоб потомство порождать?
Не странно ль в сводню разум обращать!

790

«Любовь на небо землю променяла,
Лишь сладострастье насыщать себя,
Под именем ее и видом, стало
Румяной красотой, ее губя,
Им опороченную, беспощадно,
Как зелень губят гусеницы жадно.

«Любовь – что солнце за дождем вослед;
Что буря вслед за солнцем – сладострастье.
Весна любви всегда свежа; расцвет
Погубит сластолюбия ненастье.

800

Любовь вся – правда; сладострастье – лжет;
Воздержна та; объевшись, это мрет³.

«Сказать бы больше мог я, но не смею:
Оратор молод, тема же стара.
С досадой в сердце, со стыдом немею
И ухожу в печали я, – пора.
Твоим речам распущенным внимая,
Пылают уши, грех мой выдавая».

810

Тут из прекрасных вырвался он рук,
К ее груди его прижавших нежно,

447

И устремился через темный луг,
Венеру бросив грустной безнадежно;
Как светлая звезда, упав с небес,
Так он в ночи из глаз ее исчез.

Она следит за ним, как с суши взор
За другом уплывающим следят,
Пока валы, встающие, как горы,
До низких туч, его не поглотят.
Так беспощадно скрыла ночь глухая
Того, кто взор ей тешил, насыщая.

820

Потеряна, как если бы в поток
Вещь уронила ценности великой,
Как путник, – лишь погаснет огонек,
Ему светивший ночью в чаще дикой, –
Она лежала в темноте ночной,
Утратив светоч путеводный свой.

Себя по сердцу стала бить Венера,
И, стонами ее потрясена,
Окрест им вторит каждая пещера.
«Увы», – простонет двадцать раз она,
И эхо двадцать раз ответит стоном
На двадцать голосов и разным тоном.

830

Она, заметив это, начала
Песнь заунывную о том, как чудно
Любовь всех рабству, бреду предала, –
Умна в безумье, мудро-безрассудна.
Напев унылый переходит в стон,
И вторят отзвуки на разный тон.

840

Она поет всю ночь. Влюбленным мнится –
Часы бегут, хоть тянутся для них;
Что им приятно, то должно явиться –
Им кажется – утехой для других.
Неистоцимы их повествовань;
Никто не слушает их окончанья.

448

Так ночь прошла средь праздных голосов,
Как паразиты, как в харчевне слуги,
Спешащих отклик дать на каждый зов,
Поддакивать и тешить всем досуги:
Лишь скажет «так» она, ей – «так» в ответ,
И повторили бы за нею «нет».

850

Покоюм утомлен, с земли росистой
Вот жаворонок взвился и поет
И будит утро, с чьей груди серебристой
Во всем величье солнце восстает
И так на мир блистательно взирает,
Что кедров как бы золотом венчает.

Венера шлет ему такой привет:
«О, лучезарный бог той силы ясной,
В которой звезды почерпают свет
Чтоб изливать сиянье так прекрасно,
Знай, сын здесь есть у матери земной:
Свет одолжить тебе он мог бы свой».

860

И в миртовую рощу поспешает,
Дивясь, что неизвестно ничего
О милом ей; и слух свой напрягает,
Чтоб звуки рога уловить его;
Вдруг, рога звучное слышав пенье,
Она спешит на звуки в нетерпенье.

870

Кустарники целуют ей лицо,
За шею, на бегу ее, цепляясь;
Вкруг бедер обвивают, как кольцо;
Она ломает ветки, вырываясь.
Так лань с набухшим выменем спешит
К детенышу, что в чаще ею скрыт.

Вдруг, слыша визг собак, дрожит в тревоге
Венера так, как тот, кто б, увидав
Змею, свернувшуюся на дороге,

Отпрянул в ужасе, затрепетав. 880
 Так визг испуганный собак в смятенье
 Приводит чувства, дух ее в смущенье.

Теперь ей ясно: то не слабый враг,
 Но грозный лев, медведь иль вепрь ужасный;
 Ведь голоса встревоженных собак
 Звучат всё там же, словно в бой опасный
 Страшась вступить, удар врагу нанести, –
 Друг другу псы ту уступают честь.

Зловещий звук, звеня в ушах уныло,
 В нее проник, ей сердце поразив; 890
 Оно в смятенье, в ужасе застыло,
 Всё тело слабостью оледенив;
 Лишь в плен начальники бывают взяты,
 Бегут позорно от врага солдаты.

Она стояла так, потрясена,
 Пока не успокоила немного
 Смятенных чувств, решив, что внушена
 Воображеньем ложная тревога;
 Им дрожь и страх унять она велит;
 И видит вдруг – пред нею вепрь стоит. 900

Всё в алых пятнах вспененное рыло, –
 Как если б с молоком смешалась кровь, –
 Вторично страх по жилам ей разлило
 И обезумевшую гонит вновь:
 Она бросается вперед и снова
 Назад, чтоб вепря отчитать сурово.

И тысячей тревог увлечена
 И тысячу меня направлений,
 Стремительна, медлительна она,
 Как тот, кто пьян и, полн соображений, 910
 Не может ничего сообразить;
 За всё хватается, чтоб всё забыть.

Вот, видит, пес в кустах лежит; Венера
 Его спросила, где хозяин их;

Другой зализывает рану, – мера
Действительней от яда всех других;
А третий, что понурился уныло,
Ответил воем, лишь она спросила.

Когда же смолк зловещий вопль, – второй,
Весь черный, плакальщик взывает хмуро; 920
За ним другие поднимают вой,
Столь гордые хвосты поджав понуро
И тяжко встряхивая вновь и вновь
Ушами, расцарапанными в кровь.

Как смертные смущаются, взирая
На знаменья, виденья, чудеса,
Со страхом в их зловещий смысл вникая,
Так и она, лишь вой раздался пса,
Смутилась, внемля мрачным предвещаньям,
И к Смерти так воззвала со стенаньем: 930

«Тиранка безобразная, скелет,
Разлучница (так Смерть она хулила),
Оскалившийся призрак, – в том расцвет
И красоты и жизни ты сгубила,
Чья прелесть розе образцом была,
С чьих уст фиалка аромат пила.

«Он умер, – нет, ты не могла, такими
Любуясь прелестями, их сгубить;
Да, ты могла: глазницами пустыми
Не видишь ты, куда тебе разить: 940
Ты целишь в старика, но по ошибке
Стрела пронзает грудь младенца в зыбке.

Предупрежденный о беде тобой,
Заговори он, – где твоя вся сила!
За свой удар ты проклята судьбой:

451

Ты вместо плевела цветок скосила.
Стрелой Любви он должен быть пронзен,
Не Смерти черною стрелой сражен.

«Зачем тебе, чтоб все мы слезы лили, –
Ты пьешь их? Тяжкий стон тебе к чему? 950
Зачем глаза, что видеть всех учили,
Ты, Смерть, закрыла в вечном сне ему?
Сгубив Природы лучшее творенье,

Не страх ты ей внушаешь, но презренье».

Не одолев отчаянье свое,
Она сомкнула веки; и сдержали
Они, как шлюзы, струи слез ее,
Что в русло нежное груди стекали;
Но серебристый дождь сквозь них проник,
Стремительным ручьем раскрыл их вмиг.

960

Как слезы и глаза обмен свершают!
В тех эти видны, в этих те блещут;
Они взаимно горесть отражают,
А горесть вздохи осушить спешат;
Как в бурю сменят вихрь дождя потоки, –
Ей вздох осушит, слезы смочат щеки.

Ей множат скорбь немало мук иных,
На первенство оспаривая право,
И так терзает каждая из них,
Что кажется, в ней – главная отрава.
Но все равны; и вот они толпой
Собрались все, как тучи пред грозой.

970

Вдруг слышит клич Венера отдаленный;
Нет, никогда не радовала так
Ребенка песнь кормилицы бессонной:
Надежды звук рассеет мыслей мрак.
В ней оживает радость, оживляя
И голосом любимым обольщая.

452

И отливают слезы вспять тотчас,
В глазах, как жемчуг в хрустале, блистая;
А ту, что скатится порой из глаз,
Щека вберет, омыть ей не давая
Нечистый лик земли, что лишь пьяна,
Хоть кажется затопленной она.

980

Так недоверчива, так легковерна,
Как странно ты, Любовь, сотворена!
Печаль и радость, всё в тебе чрезмерно;
В отчаянье, в надежде ты смешна:
Мечтою лживой эта обольщает,
Правдоподобной мыслью то сражает.

990

Что ткала, распустить она спешит:
Адонис жив, и Смерть пред ней безвинна.

Венера Смерти ненавистой льстит:
То не она дерзила ей бесчинно;
Зовет ее царицею могил,
Цариц могилой, высшею из сил.

«Нет, нет, – богиня молвит, – это шутка;
Смерть милая, прости меня, поверь, –
Лишь появился вепрь, мне стало жутко:
Не знает жалости свирепый зверь.
И, признаюсь, я стала, призрак чтимый,
Тебя бранить, страшась, что мертв любимый.

1000

«Но это вепрь мне подстрекнул язык;
Отмсти ему, невидимая сила:
Негодный, он – твой главный клеветник,
Я лишь орудием ему служила:
Чтоб править скорби языком двойным,
Нам мало обладать умом одним».

Так гонит прочь Венера подозренье
В надежде, что Адонис невредим,
И к Смерти подольщается в смиренье,

1010

453

Чтоб красота расцвезть успела с ним;
О статуях толкует, мавзолеях,
Ее победах, славе и трофеях

И говорит: «Юпитер! Затужив,
Как малодушно я, как безрассудно
Оплакивала смерть того, кто жив
И должен жить, пока земля безлюдной
Не станет вновь: с ним красота умрет,
А смерть ее ночь хаоса вернет.

1020

«Стыдись, Любовь: ворами окруженный
И ценный груз несущий трусит так;
Твоими чувствами не подтвержденный
Тебя смутить какой-то мог пустяк».
Тут слышит звук она веселый рога
И вот уж мчится, – где ее тревога!

Как сокол на приманку, так она
Летит, легка, травы не приминая;
И видит – диким вепрем сражена
Ее отрада, столь ей дорогая.
Глаза Венеры, смертных полны мук,

1030

Как звезды к утру, закатились вдруг;
Иль как улитки, тронь лишь рожки, живо
В отверстия раковин вползают вспять
И долго прячутся там боязливо,
Страшась наружу выползти опять, –
Так скрылись в темных впадинах глубоко
Глаза, картиной тронуты жестокой.

Там предоставили они свой свет
Ее уму, смущенному виденьем;
Укрыться в ночь он им дает совет,
Чтоб сердце ей не уязвляли зреньем.
Оно, как царь, чей пошатнулся трон:
Их донесенья в нем рождают стон.

1040

454

И всё трепещет вокруг, ему внимая;
Как вихрь, что в недрах заключен земных,
Наружу рвется, землю сотрясая,
И поражает ужасом живых,
Всё тело ей смятенье охватило,
Глаза на мрачном ложе пробудило.

1050

Они, раскрывшись, проливают свет
На бок Адониса, что взрыт клыками;
Окрашен в пурпур снежный тела цвет
Из раны источенными слезами;
И каждый листик и цветок их пьет
И как бы кровь свою по капле льет.

Венера видит скорби проявление
И, голову свою к плечу склонив,
Безмолвно страждет, бредит в исступленье:
Он умереть не может, нет, он жив.
Ей голос изменил, глаза сердиты
На то, что слезы ими все излиты.

1060

На рану пристально она глядит
И видит три, как кажется ей, раны;
Свой помраченный взор она бранит
За то, что множит, где их нет, изъяны.
Черты двоятся на лице двойном:
Обманут глаз расстроенным умом.

«И об одном не выразить печали, –
Скорбит Венера, – здесь же вечным сном

1070

Спят два Адониса! Нет слез, и стали
Огнями очи, сердце же свинцом;
В огне очей расплавься, сердце, тая!
Так я умру, плоть в страсти растворяя.

«О бедный мир, ты всё утратил в нем!
Отныне чье лицо достойно взгляда?
Чей голос музыка? Чем ты в былом,

455

Чем в будущем гордиться б мог с отрадой?
Цветы свежи, окраска их мила;
Но красота с ним вместе умерла.

1080

«Не нужно шляп вам, смертные созданья!
Ни ветер, ни солнце не страшны сейчас:
Что вам терять? В вас нет очарованья;
Вас ветер освищет, солнце презрит вас.
Они Адониса подстерегали
И красоту его отнять желали.

«И потому носил всё шляпу тот.
Бывало, солнце под поля заглянет,
А ветер, вмиг сорвав ее, начнет
Играть кудрями; мальчик плакать станет;
И оба, сжалившись, спешат тотчас
Слезинки осушить прекрасных глаз.

1090

«Чтоб не пугать его, из-за ограды
Лев любовался, крадучися, им;
Чтоб пения его вкусить отрады,
Тигр становился кротким и ручным;
Бросал добычу волк, ему внимая,
В тот день ягненку страха не внушая.

«Вкруг отражения его толпясь,
Златые жабры рыбки раскрывали;
И птицы пели, на него дивясь,
Другие в клювах вишни предлагали;
Так красотой насыщал он птиц,
Они его – плодами шелковиц.

1100

«Но этот гнусный вепрь, чьи взоры вечно
Уперты в землю в поисках могил,
Не видел красоты его, конечно,
Иначе бы его не умертвил;
А если видел, захотелось зверю

Поцеловать Адониса, – я верю. 1110

456

«Да, да, вот так Адонис был убит:
На вебрь он, копьем нацелясь, мчался;
Тот думал – поцелуем убедит,
Что он его убить не собирался;
И вебрь, любовью к юноше влеком,
Нечаянно пронзил его клыком.

«Будь, так зубаста я, в моем объятье
Адонис прежде бы уж был убит.
Но умер он; и вот на мне проклятие:
Его весна моей не усладит».

1120

Она упала на землю, стеная,
В его крови лицо свое пятная.

Венера взглянет – бледен милый рот;
Руки коснется – та похолодела;
И на ухо шептать ему начнет,
Как будто внемлет скорбной речи тело;
Она поднимет веки милых глаз:
Там – две звезды, чей свет, увы, погас!

Два зеркала, в которые Венере
Глядеться приводилось столько раз,
Утратив дар, им сродный в высшей мере,
Не отражают ничего сейчас!
«О диво! – молвит. – Этот мир ужасен;
Ты умер в нем, а день, как прежде, ясен.

1130

«Так, умер ты, и я хочу предречь:
Скорбь будет спутницей Любви отныне,
А Ревность, ей служа, ее стеречь;
Начнется сладко, кончится в кручине;
То ввысь взлетит она, то упадет,
И все улады скорбь в ней превзойдет.

1140

«Она коварна будет и лукава;
Буто́н – и вмиг уж отцвела она;
Обманчиво подслащена, отрава

457

В ней будет горькая затаена.

Мощь сломит силача она; дар слова
Отняв у мудрых, взыщет им тупого.

«Она мотовкой будет и скупой;
Заманит дряхлых в пляс; смирит нахала;
Богатых пустит по миру с сумой,
А бедняков насытит до отвала;
Юнца состарит, – яростна, кротка, –
И обратит в младенца старика.

1150

«Подозревать там станет, где не надо,
Там верить, где не должно доверять;
Жестокость совместив в себе с пощадой,
Правдивой притворяясь, будет лгать;
Чем кротче с виду, тем строптивей будет;
Отвагу в трусе, в смелом страх пробудит.

«Она причиной станет войн и бед;
Меж сыном и отцом раздор посеет;
Как без горючего горенья нет,
Все недовольства так она взлелеет.
Моя любовь убита; пусть же тот,
Кто крепче любит, счастья не найдет».

1160

Тут отрок, что пред ней лежал убитый,
Как легкий пар, растаял и пропал;
Из капель крови, на землю пролитой,
Возник цветок, лилейно бел и ал,
Ланиты бледные напоминая,
Чью белизну кропила кровь, пятная.

1170

Она к цветку нагнулась, аромат
Адониса дыханьем называя;
Пусть, если сам любимый Смертью взят,
Цветок живет, на грудь к ней припадая.
Она сломила стебель; сок на нем,
Как слезы, выступил, смочив излом.

458

«Бедняжка, весь в него, – она сказала. –
О, сладкий сын сладчайшего отца!
Тому глаза безделка увлажняла;
Цвесь для себя хотел он до конца.
Таков и ты; но на груди укрытым
Увянуть лучше, чем в крови омытым.

1180

«Как твой отец, здесь, на груди моей,

Покойся, словно в зыбке, безмятежно,
Биеньем сердца моего на ней
И днем и ночью убаюкан нежно.
И каждый миг мне новый даст предлог,
Чтоб целовать любви моей цветок».

Она, спеша покинуть мир постылый,
Впрягает в колесницу голубков;
Вознесена их парой быстрокрылой,
Летит Венера выше облаков,
Полет свой в Пафос⁴ направляя чтимый,
Чтоб там замкнуться, став для всех незримой.

1190

646

ВЕНЕРА И АДОНИС

Поэма *Венера и Адонис* была в первый раз издана в 1593 г. Безупречность этого текста позволяет думать, что издание было осуществлено под непосредственным наблюдением Шекспира. Поэма имела огромный успех: об этом свидетельствует как то обстоятельство, что до 1636 г. она была переиздана по меньшей мере двенадцать раз, так и многочисленные хвалебные упоминания о ней критиков того времени. В 1598 г. Ричард Барнфильд в своем *Воспоминании о некоторых английских поэтах* восхваляет «медовую струю автора Венеры и Лукреции». В том же году вышло в свет *Сравнение наших английских поэтов с греческими, латинскими и итальянскими* Мереса, в котором автор утверждает, что Овидий возродился в «сладостном и медвяно-язычном» Шекспире, ссылаясь на две упомянутые его поэмы и сонеты.

Из того, что Шекспир в посвящении поэмы Соутемптону называет ее «первенцем своей фантазии», некоторые критики готовы были сделать вывод, что поэма эта была написана раньше всех драм Шекспира, быть может, еще в юношеские годы, в Стретфорде. Однако во времена Шекспира драматургия не считалась «высокой» поэзией (*invention*), к которой причислялись только лирические, эпические или дидактические произведения. Кроме того, слово «первенец» могло иметь в виду момент не написания, а опубликования произведения; а мы знаем, что до 1593 г. ни одна из пьес Шекспира еще не была напечатана. Принимая во

внимание значительное мастерство этой поэмы, делающее мало вероятным возникновение ее до переезда Шекспира в Лондон, а также то обстоятельство, что поэтические произведения в то время обычно не залеживались, а печатались сразу после их написания, мы должны заключить, что поэма возникла в 1593 г. или незадолго до того. С этим хорошо согласуется тот факт, что с лета 1592 г. лондонские театры должны были закрыться на два года из-за чумы. По всей вероятности, Шекспир воспользовался вынужденным досугом для написания этой поэмы.

Основным источником Шекспиру послужил рассказ о любви Венеры и Адониса в *Метаморфозах* Овидия (кн. 10), который он мог прочесть в подлиннике или в английском переводе Гольдинга (изд. 1567 г.). При этом Шекспир допускает мелкие сюжетные отклонения, непосредственные источники которых установить невозможно, так как сюжет этот был необычайно широко распространен в ту эпоху и в письменной и в устной традиции.

Венера и Адонис принадлежит к весьма популярному во времена Шекспира жанру мифологических любовных поэм. Стилистически шекспировская поэма особенно тесно связана с *Главком и Скиллой* Лоджа (1589) и *Геро и*

647

Леандром Марло (1593). Зависимость от поэмы Лоджа несомненна, что же касается неоконченной поэмы Марло, то ввиду одновременности обоих произведений трудно решить, испытал ли Шекспир влияние Марло или, наоборот, Марло в какой-то мере подражал ему.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ ПОЭМЫ

25. Тут, влажной завладев его рукою... Влажность руки, по понятиям того времени, знаменовала обилие жизненных сил.

506—508. Пусть навсегда изгонит прочь их свежее дыханье заразы дух в тревожные года. Существовало обыкновение, когда раздражалась какая-нибудь эпидемия, ставить в жилых комнатах ароматные растения, благоухание которых будто бы прогоняло заразу.

601—602. Как бедных птиц обманутая стая, на виноград рисованный слетясь... О древнегреческом

живописце Зевксисе рассказывали, что однажды он нарисовал виноград с такой правдивостью, что на картину слетелись птицы, пытавшиеся клевать этот виноград.

1046 – 1047. Как вихрь, что в недрах заключен земных, наружу рвется, землю сотрясая... Распространенное во времена Шекспира объяснение происхождения землетрясений.

¹ Язык.

² Одно из наименований Дианы.

³ Сладострастие умирает от собственного избытка, от пресыщения.

⁴ Город на Кипре, неподалеку от которого будто бы родилась Венера.